

Республиканизм на территории современного Узбекистана

Б. А. Алимджанов

Для цитирования: Алимджанов Б. А. Республиканизм на территории современного Узбекистана // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 1. С. 293–306. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.119>

В статье рассматриваются формы республики, существовавшие на территории Узбекистана в разные исторические времена и эпохи. Автор, основываясь на исследованиях историков, востоковедов и мемуарах путешественников, считает, что первая республика на территории Узбекистана, просуществовавшая менее одного года, возникла в XIV столетии в Самарканде. Ее основателями были сарбадары. Вторая республика — Ташкентское «аристократическое» владение (XVIII в.) было основано Юнус-ходжей после длительной междоусобной войны. Ташкентская «аристократическая» республика просуществовала около 25 лет. Третья республика (Туркестанская автономия) была создана в 1917 г. «буржуазными» представителями местной элиты. Туркестанская автономия просуществовала 72 дня и была уничтожена большевиками. Четвертая республика — Узбекская ССР (1917–1991 гг.). Суть ее проявлялась в союзе трудящихся, интеллигенции и дехкан. Пятая республика — это демократический постсоветский Узбекистан. Автор пытается на основе советской историографии показать, что в течение XX в. интеллектуалы пытались найти различные формы республиканизма в истории Узбекистана. В советской историографии 1940-х гг. делались попытки изобрести «республиканские» традиции в советской Средней Азии. По мнению автора, они предпринимались и по сей день. Он считает, что в политической науке Узбекистана не изучается проблема республиканизма на территории Центральной Азии. Новизной статьи является постановка вопроса о формах республики в Узбекистане и о том, как формировался образ республики в академической науке. Автор считает, что основой республиканизма на территории Узбекистана была борьба за свободу, противостояние деспотизму и неприятие монархизма. В научной литературе до сих пор нет специальных исследований по истории формирования республиканских традиций в Средней (Центральной) Азии. Данная статья станет одним из первых исследований проявления республиканизма (как классического, так и неклассического) на территории современного Узбекистана.

Ключевые слова: республика, Самарканд, Ташкент, Коканд, сарбадары, буржуазная республика, социалистическая республика, Узбекистан.

Бахтиёр Абдихакимович Алимджанов — канд. ист. наук, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни, Узбекистан, 100179, Ташкент, ул. М. Улугбека, 79; felix_1985@mail.ru

*Bakhtiyor A. Alimdjano*v — PhD (History), Al-Beruni Institute of Oriental Studies of Uzbekistan, 79, ul. M. Ulughbeka, Tashkent, 100179, Uzbekistan; felix_1985@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Republicanism on the Territory of Modern Uzbekistan

B. A. Alimdjanov

For citation: Alimdjanov B. A. Republicanism on the Territory of Modern Uzbekistan. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 1, pp. 293–306.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.119> (In Russian)

The article discusses the forms of republicanism that existed in the territory of Uzbekistan in different historical times and eras. The author, based on the research of historians, orientalist and memoirs of travelers, believes that the first republic emerged in the territory of Uzbekistan in the 14th century in Samarkand. The founders of the first republic were Sarbadars. The second republic — Tashkent “aristocratic” land-holding (18th century) — was founded by Yunus Khoja after a long internecine war. The Tashkent “aristocratic” republic did not last long: about 25 years. The third republic (Turkestan autonomy) was brought into being in 1917 by “bourgeois” representatives of the local elite. Turkestan autonomy lasted 72 days and was destroyed by the Bolsheviks. The fourth republic was the Uzbek SSR (1917–1991). The Uzbek SSR was considered a socialist republic. Its essence was manifested in the union of workers, intelligentsia and farmers. The fifth republic is a democratic post-Soviet Uzbekistan. The author, on the basis of the Soviet historiography, shows that during the 20th century, intellectuals tried to find forms of republicanism in the history of Uzbekistan. In the Soviet historiography of the 1940s, attempts were made to invent “republican” traditions in Soviet Central Asia. According to the author, these attempts continue to this day. The author believes that the political science of Uzbekistan does not study the problem of republicanism in Central Asia.

Keywords: republic, Samarkand, Tashkent, Kokand, Sarbadars, bourgeois republic, socialist republic, Uzbekistan.

В исторической науке считается, что образцами республиканского строя являются европейские города (Афины, Рим, Венеция), и мало внимания уделяется развитию восточных городов. Средневековый восточный город не приравнивается к западным аналогам, и таким образом Восток трактуется вне республиканской традиции и истории республиканизма. Противопоставление Запада и Востока пытались преодолеть советские историки и философы. Взаимопроницаемость, взаимовлияние и общий исторический процесс должны были унифицировать Запад и Восток, и этот постулат был основой «мягкого» советского ориентализма¹. Подражание всему древнегреческому в Арабском халифате уравнивало Восток и Запад, а влияние арабской науки на средневековую Европу делало исторический процесс одномерным. Этой идеологией грешили и советские, и западные ученые². Современные теоретики республиканизма не изучают проявлений классического республиканизма в странах средневекового Востока³. Игнорируются и современные проявления республиканизма на Востоке. В странах постсоветской Центральной Азии отсутствуют научные школы по политической философии. К сожалению, в научной литературе до сих пор нет специальных исследований по истории формирования

¹ Алимджанов Б. А. Ориентализм ориентализму рознь // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1488–1497.

² См.: Rosenthal E. J. *Political thought in Medieval Islam*. Cambridge, 1958; Хайруллаев М. М. Абу Наср ал-Фараби. М., 1982.

³ Хархордин О. В. *Республика, или Дело публики*. СПб., 2020.

ния республиканских традиций в Средней (Центральной) Азии. Настоящая публикация является одним из первых исследований проявления республиканизма на территории современного Узбекистана. Методологическая основа статьи — понимание республики как типа правления, противостоящего монархии и деспотизму.

Были ли Самарканд XIV века республикой?

В советской историографии 1940-х гг. делались попытки изобрести республиканские традиции в советской Средней Азии, чтобы доказать «равноценность и равноправность восточных и западных народов». Известный востоковед академик В. В. Бартольд писал о событиях 1365 г. в Самарканде: «Если мы только на крайнем западе мусульманского мира, в Испании, встречаем городские общины с ярко выраженным *республиканским устройством* (курсив мой. — Б. А.), то общественные движения, приводившие иногда, хотя бы временно, к совершенному устранению единовластия, происходили и в других странах, везде, где могли образоваться значительные городские поселения, в том числе и в больших городах мусульманской Средней Азии»⁴. Одним из исторических сюжетов для советских историков стал город Самарканд 1365–1366 гг., когда власть в нем взяли в свои руки сарбадары — «висельники» («революционеры»), которые дали отпор монголам и установили «демократические» порядки⁵. Нужно отметить один нюанс — сарбадары действовали не только в Самарканде, но и на всем Среднем Востоке, особенно в северо-восточной части современного Ирана (Хорасан). «В сарбадарских государствах, отмечали советские историки, военные силы состояли из ополчения, рекрутировавшегося из мелких землевладельцев и из свободных крестьян, а не из феодалов с их военными дружинами»⁶. Самарканд не являлся исключением или уникальным примером «проявления революционности среднеазиатских народов» против монгольских захватчиков, а выражал общую тенденцию на Среднем Востоке. Движение сарбадаров возникло в Хорасане в 1330-х гг., где они создали свое государство, которое просуществовало до 1380-х гг. О них нам известно очень мало⁷. Возможно, сарбадары были сектантами, практиковавшими некоторые политические идеи философа ал-Фараби. Как отмечал советский философ академик М. Хайруллаев: «Отдельные идеи Фараби были в некоторой степени реализованы в ряде хариджитских, хуррамитских и исмаилитских государств (например, в государствах Фатимидов, Саманидов, во владениях ал-Маари, в Карматском государстве)»⁸.

Советские историки трактовали это движение как освободительное, поскольку в основном оно было направлено против монголов. Основной причиной такой трактовки, по нашему мнению, являются перенесение условий средневекового За-

⁴ Бартольд В. В. Народное движение в Самарканде в 1365 г. // Бартольд В. В. Собр. соч. Т. II, ч. 2. М., 1964. С. 362.

⁵ Гуревич А. М. О классовой борьбе в Самарканде в 1365–1366 гг. // Труды Государственной Публичной библиотеки Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент, 1935. С. 25–32; Салиев П. Об ошибках, допущенных А. М. Гуревичем в его статье «О классовой борьбе в Самарканде в 1365–1366 гг.» // Литературный Узбекистан. 1936. № 4. С. 124–133; История народов Узбекистана: в 2 т. Т. 1 / под ред. С. П. Толстова и др. Ташкент, 1950.

⁶ Гафуров Б. Г. История таджикского народа. Т. 2. Душанбе, 1989. С. 216.

⁷ Бойматов Л. Сарбадары Самарканда. Саарбрюккен, 2015.

⁸ Хайруллаев М. М. Абу Наср ал-Фараби. С. 251.

пада на Средний Восток и крайняя идеологизация истории. По мнению советских историков, консолидация против монгольских захватчиков всех слоев города под руководством триумvirата, в состав которого входили мусульманский интеллигент Мавланзаде, ремесленник Калави и военный Хордаки Бухари, позволили самаркандцам одержать победу над монгольской армией и провести ряд важных демократических реформ в сфере налогообложения. Внутренние сумятицы в новой республике и классовая борьба между «левыми» и «правыми» сарбадарами ослабили демократические силы, и город стал добычей Тимура, который уничтожил все демократические порядки в Самарканде⁹. Частично солидаризируясь с советскими историками, хотелось бы отметить некоторые черты восточного республиканизма на примере демократического правления сарбадаров в Самарканде в 1365–1366 гг. Во-первых, в советской историографии — *свобода* понималась как борьба за освобождение от иноземных захватчиков, что приближает Самарканд к древнегреческому полису (например, Афины), боровшегося против персов за освобождение и победивших их. Советские историки добавляли сюда экономическую (налоговое послабление, осуществленное сарбадарами) и политическую свободу — свободу от господства феодалов. Таким образом, мы видим, что советская историография рассматривала категорию *свободы* на средневековом Востоке как свободу от деспотизма. При этом свобода трактовалась как бесконечный акт освобождения (понимаемый как социальная революция), а не ее реализация в историческом времени. Во-вторых, свобода понималась как мобилизация всех слоев города за осуществление главной цели — независимости. В итоге ослабление мобилизации привело к уничтожению власти сарбадаров. Иными словами, свобода по-советски на примере средневекового Самарканда предполагает перманентную мобилизацию народных масс. В-третьих, власть находится в руках пассионариев — сарбадаров, готовых умереть за свободу (этот пример сближает нас с подвигом 300 спартанцев); когда их количество уменьшается, некому осуществлять перманентную мобилизацию и поддерживать бесконечный акт свободы от деспотии. И наконец, классическая смерть республики (конец революции) происходит тогда, когда власть захватывает диктатор (в лице Тимура), что и случилось в Древнем Риме (Сулла или Цезарь). Таким образом, мы видим, что исторические построения (или конструкты понятия свободы) советской историографии в конце концов оправдывают диктатуру в республике (читай: в советской Средней Азии), а не республиканские порядки, так как для поддержания демократических институтов нужны пассионарии (вожди), которые осуществляли бы перманентную борьбу за свободу и мобилизацию масс для сохранения достигнутых свобод. Наверное, именно поэтому ни разу в исторической литературе Самарканд эпохи сарбадаров не обозначается как республика, хотя налицо все признаки античной римской республики (или древнегреческого демократического полиса).

Ташкентское владение XVIII века — аристократическая республика?

Советские историки придавали особое значение городу Ташкенту как столице Узбекской ССР и как символу победы социализма на Востоке. Соответствен-

⁹ История Самарканда / отв. ред. И. Муминов: в 2 т. Т. 1. Ташкент, 1969. С. 159–161.

но историками изобреталась славная республиканская традиция ташкентцев. «В XVIII в. Ташкент считался “вольным городом”»¹⁰, отмечала известный востоковед О. Д. Чехович. Термин «вольный город» О. Чехович позаимствовала из записок Н. Минера, камердинера Ф. Беневини, побывавшего в Средней Азии в 1721–1724 гг. по заданию Петра I.

Ташкент географически располагался на границе с Великой Степью и считался крупным городом Средней Азии. Приграничное расположение Ташкента давало ему несколько преимуществ: 1) с населением Ташкента считались Кокандское и Бухарское ханства; 2) Ташкент активно торговал с Россией, Китаем и ханствами, что обеспечивало ему некую политическую автономию.

Историк Ю. А. Соколов в 1959 г. писал: «Ташкент — древнейший город Узбекистана. Он издавна был важнейшим пунктом торговых связей между основными экономическими областями Средней Азии — земледельческой и скотоводческой. Именно это обстоятельство наложило своеобразный отпечаток на всю историю города. Основную массу его жителей составляли торгово-ремесленные элементы (77%), которые неоднократно пытались улучшить свое положение и активно выступали против феодалов»¹¹. Ташкентская элита заигрывала с бухарским эмиром и кокандским ханом, что обеспечивало ей привилегии в международной торговле.

В конце XVIII в. Ташкент раздирала междоусобица. Как известно, город был разделен на четыре района (*дахы*). Каждый имел своего правителя. Четыре правителя боролись за власть. В 1784 г. после долгих междоусобных войн Ташкент был объединен Юнус-ходжей, который начал чеканить свою монету и провел несколько успешных военных кампаний против Кокандского ханства. Но в 1808/1809 г. кокандский хан Алимхан захватил Ташкент и присоединил его к Коканду. Таким образом, независимое государство просуществовало около 25 лет. Хотя Ташкент потерял свою независимость, своеобразная внутренняя автономия в нем была сохранена: кокандский наместник был обязан править городом «по совету пятитысячников и знатных людей Ташкента»¹².

Возникает вопрос, чем же история Ташкента этого периода привлекает историков последние 150 лет? Скорее всего, этот сюжет интересен тем, что о «Ташкентском владении» написали специальный отчет имперские чиновники М. Бурнашев и Т. Поспелов, посетившие этот город в 1800–1801 гг.¹³ Они подробно написали о войне между Ташкентом и Кокандом. Возможно, военные и дипломаты Российской империи хотели использовать Ташкент как плацдарм против кокандской монархии. Также в 1803 г. Ташкент просил подданства у Российской империи. Этот факт тоже немаловажен. С начала XIX в. Ташкент становится символом городского самоуправления в Средней Азии и борьбы против кокандской деспотии. Россий-

¹⁰ Чехович О. Д. Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в. // История и культура народов Средней Азии: Древность и средние века. М., 1976. С. 149.

¹¹ Соколов Ю. А. Первое русское посольство в Ташкенте // Вопросы истории. 1959. № 3. С. 167.

¹² Настич В. Н. Монеты «Ташкентской республики» (1784–1808). URL: http://info.charm.ru/authors/Tashkent_Republic.pdf (дата обращения: 14.08.2021).

¹³ Переписка по поводу рассмотрения генерал-прокурором вместе с Коллегией, сделанных шихтмейстерами Бурнашевым и Поспеловым, замечаний относительно добывания руд и селитры в Ташкентском владении. 1800–1801 гг. // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2306.

ский нумизмат В. Н. Настич настаивает, что «в этот период Ташкент был [восточно-]феодальной республикой»¹⁴.

Вслед за известным советским востоковедом О. Д. Чехович¹⁵ Ташкент конца XVIII–XIX в. узбекские историки сравнивают с такими средневековыми городами-республиками, как Генуя, Новгород¹⁶. «Коллективное» аристократическое управление Ташкентом, по мнению узбекистанских историков, позволило городу «занимать одно из главенствующих мест в системе городов региона не только социально-экономическим положением, но и политическим опытом»¹⁷. То, что Ташкент был торговой республикой, как Генуя или Новгород, довольно бесспорно. Но то, что Ташкент имел особый «политический опыт», не подтверждается никакими фактами. Бурнашев и Поспелов написали о политическом устройстве Ташкента следующее: «Ташкентской владелец употребляет неограниченную власть над жизнью и имением подданных. Но он власть сию часто приводит в исполнение, по совету с лучшими своими чиновниками, которые смотрят на склонность его мнения и согласуются. В таковых советах участвуют первостепенные ходжи, в усердии и преданности коих владелец уверен»¹⁸. Посетивший в 1796–1797 гг. Ташкент в составе посольства Д. Телятников отмечал: «Жители градские и вообще весь народ разделения на достоинства не имеют, и все в одинакой степени. Письмоводство в делах гражданских и политических им не известно»¹⁹.

Современные узбекские историки, как и их советские коллеги, сетуют, что Ташкентская республика продержалась недолго, так как она была захвачена «централизованным» деспотичным Кокандом. О. Д. Чехович безапелляционно утверждала, что «горожане Ташкента, во главе которых стояла группа богатых и знатных аристократов — ходжей, по своей воле “принимали” и “изгоняли” ханов, а подчас и убивали их, если они нарушали установленные для них пределы строго ограниченной юрисдикции»²⁰. Опираясь на идеи и предположения О. Д. Чехович, можно с натяжкой причислить Ташкент конца XVIII в. к «аристократической» или «исключающей республике» (термин О. Хархордина) которая напоминает итальянские города XV–XVI вв.

Туркестанская «буржуазная» автономия versus Туркестанская советская республика?

Февраль 1917 г. привел в движение интеллигенцию Туркестана — заниматься политикой в периферийной зоне бывшей Российской империи стало модно. Крах империи породил в Средней Азии разные прогрессивные исламские организации и партии, которые предлагали свои рецепты строительства нового государства и общества на окраине. Вероятно, периферийная политика имитировала

¹⁴ Настич В. Н. Монеты «Ташкентской республики» (1784–1808).

¹⁵ Чехович О. Д. Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в. С. 149–160.

¹⁶ История Узбекистана (XVI — первая половина XIX века) / отв. ред. Д. А. Алимова. Ташкент, 2012. С. 477.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Переписка по поводу рассмотрения... Л. 25 об. — 26.

¹⁹ Ходжиев Э. Важный источник по истории Ташкента // Общественные науки в Узбекистане. 1961. № 5. С. 64.

²⁰ Чехович О. Д. Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в. С. 149.

политические дискурсы метрополии, и во многих случаях эта мимикрия не имела своих точных границ, что порождало особый синтез современного и традиционного. Смесь различных понятий и практик в конечном результате привела к ослаблению и раздору внутри политических организаций Средней Азии, а в дальнейшем (в 1918 г.) — к созданию единой коммунистической партии Туркестана, куда вошли бывшие федералисты, автономисты, националисты и представители духовенства. По всей видимости, в постколониальной ситуации 1917 г., после свержения Романовых, периферия не смогла самоорганизоваться и предпочла повторять клише из столичных революционных газет, а политические идеи, витавшие в Туркестане, были следствием влияния европейской мысли (хотя до этого актуальными были идеи конституционной монархии) и трансформировались в национальную идеологию и политические практики.

Внутри мусульманской элиты не было единства мнений по поводу проблем автономии, федерации, а во многих случаях она плохо представляла себе идеи федерализма и республиканизма. Очевидно, на местных джадидов (интеллектуалов) повлияли идеи турецких мыслителей (через А. Фитрата). В особенности многие из них симпатизировали идеям конституционной монархии (попытки создания в Бухаре и Хиве в 1917 г. конституционной системы управления провалились). Скорей всего, плохо осознаваемые идеи федерализма понимались мусульманскими элитами Туркестана не как антиимперский вариант, а как смягченная форма имперского управления периферией, что подтверждается программами разных партий и организаций Туркестана. Провал реформ весной 1917 г. в Бухаре подтолкнул туркестанскую интеллигенцию к союзу с демократической Россией, и джадидам легче было согласиться на культурную (религиозную) автономию, нежели на полноценную федерацию.

Результатом усилий мусульманских элит Туркестана стало создание Кокандской (Туркестанской) автономии. В историографии существуют разные точки зрения на сущность и характер Туркестанской автономии — от восторженных до гиперкритических²¹. В ноябре 1917 г. в городе Коканде местная культурная элита в союзе с местными предпринимателями основала Туркестанскую автономию, создав тем самым первое светское государство на республиканских началах в Центральной Азии. Эта версия является самой распространенной в современной узбекистанской историографии. Историк С. С. Агзамходжаев настаивает на союзе всех слоев мусульманского населения в формировании Кокандской автономии, утверждая, что возникновение новой власти — воля народов Туркестана. 26 ноября 1917 г. был созван IV Чрезвычайный Краевой мусульманский съезд, где была создана Туркестанская автономия в Коканде. На съезде к тому моменту присутствовало: от Ферганы — 150 человек, от Сырдарьинской области — 22, от Самаркандской — 21,

²¹ Абдуллаев Р. А. Туркестанские прогрессисты и национальное движение // Звезда Востока. № 1. 1991; Агзамходжаев С. С. История Туркестанской Автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент, 2006; Алексеенков П. Кокандская автономия. Ташкент, 1931; Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994; Жакпаров Ж. И. Туркестанская (Кокандская) автономия — первое демократическое государство на территории Узбекистана? // Молодой ученый. 2017. № 46. С. 265–267; Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). М., 1921; Хасанов М. Кокандская автономия и некоторые ее уроки // Общественные науки в Узбекистане. № 2. 1990. С. 41–53.

от Закаспийской области — один делегат, от Бухары — четверо²². Среди делегатов были представители городских дум, Туркестанского бюро татар, краевой еврейской организации «Паолей Сион», а также местных евреев. Так что этот съезд, как писала газета «Улуг Туркистон», «нельзя назвать только мусульманским, а следовало бы назвать съездом народов Туркестана»²³.

Структура власти выглядела следующим образом: до созыва Учредительного собрания вся полнота власти сосредоточивалась в руках Туркестанского Временного совета и Туркестанского Народного собрания. Из членов Временного совета должно было сформироваться правительство из 12 человек. Численность Туркестанского Временного совета определялась по количеству депутатов от Туркестанского края, ранее делегировавшихся во Всероссийское Учредительное собрание (32 человека)²⁴. В состав Народного совета (54 места) предполагалась включить четырех представителей от органов городского самоуправления и 18 от различных краевых «европейских» организаций. Таким образом, треть мест выделялась некоренной европейской части населения края, составлявшей тогда около 7 % всех жителей края²⁵. В основу предлагаемой схемы государственного устройства закладывался принцип пропорционального представительства национальных курий, то есть каждой крупной этнической группы. Одновременно, опираясь на проект положения о выборах в Туркестанское Учредительное собрание, число мест в котором составляло 234, предполагалось образовать две курии — мусульманскую и немусульманскую. Последней здесь также выделялась треть мест.

9 февраля 1918 г. Кокандская автономия перестала существовать. По мнению узбекистанского историка С. С. Агзамходжаева, насильственный разгон Туркестанского автономного правительства, подкрепленный решением Совнаркома о его ликвидации, принятым в феврале 1918 г., свидетельствовал о явном игнорировании большевистскими «управителями» кровных интересов коренного населения. Агзамходжаев активно использует такие концепты, как «национальная государственность», «демократия» и «независимость», и интерпретирует их в духе патриотизма. Агзамходжаев настаивает на демократичности Туркестанской автономии, ссылаясь на форму правления в Кокандской автономии. Он обращает внимание на разделение властей в автономии и не делает различия между республиканизмом и классической демократией. Нужно отметить, что новые институты, такие как министерства и парламент, были европейским новшеством и никакого отношения не имели к местным формам власти. Кокандская автономия больше походила на республику, чем на демократическое национальное государство. В советской историографии Туркестанская автономия упорно называлась буржуазной контрреволюционной республикой²⁶. Ей противопоставлялся советский вариант республиканизма.

В 1918 г. была создана Туркестанская автономная советская республика (ТАСР). Возглавил новую советскую республику Турар Рыскулов. Известно, что он

²² Агзамходжаев С. С. История Туркестанской Автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент, 2006. С. 189.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 192.

²⁵ Там же. С. 193.

²⁶ Алексеенков П. Кокандская автономия. Ташкент, 1931.

также был сторонником федерации — Туркестанской советской федерации в составе РСФСР. Федералистский проект Т. Рыскулова подразумевал светский проект развития колониального Туркестана. Эволюция федерализма и разная его трактовка местными элитами и интеллектуалами породили ту политическую обстановку, которая повлияла в дальнейшем на территориальное размежевание в 1924 г. Не нужно забывать, что в 1918–1924 гг. в Средней Азии активно действовали басмаческие группы, которые также имели свои политические программы. В основном эти группы поддерживали монархистские идеи, но среди них были и «республиканцы», которые ратовали за светское развитие Туркестана. Как видно, в 1917–1924 гг. в Средней Азии боролись разные понимания федерализма и монархизма. Эту ситуацию предлагаем называть эпохой политизации местных интеллектуалов, а также борьбы против монархизма и восточной деспотии. Именно эта эпоха породила специфичный среднеазиатский республиканизм.

Узбекская ССР: нерушимый союз рабочих, дехкан и интеллигенции?

В 1920 г. Красной армией были ликвидированы Бухарский эмират и Хивинское ханство. В Бухаре была создана Бухарская Народная Советская Республика (БНСР), в Хорезме — Хорезмская Народная Советская Республика (ХНСР). БНСР и ХНСР за короткий срок существования (1920–1924 гг.), как отмечают узбекские историки, смогли начать светские реформы и начали превращаться в демократические республики²⁷. Российский историк И. В. Стариков считает: «Хорезмская и Бухарская Народные Советские Республики по государственному строю представляли собой революционно-демократические республики пролетариата и крестьянства, являвшиеся переходными стадиями к советским социалистическим республикам»²⁸. 27 октября 1924 г. в процессе национально-государственного размежевания советских республик Средней Азии Бухарская и Хорезмская республики были упразднены. Тем самым советская власть пыталась выбить почву из-под ног сепаратистского движения в регионе²⁹.

В 1924 г. было проведено национально-территориальное размежевание Средней Азии, которое и определило все дальнейшее политическое развитие региона. В Центрально-Азиатском регионе были созданы национальные республики: Узбекская ССР, Казахская ССР, Киргизская и Таджикская ССР. Основной целью создания советских республик было облегчение управления населением и молодой новоиспеченной элитой региона. Административная структура Узбекской ССР выглядела следующей: наверху политической пирамиды располагались представители местных национальностей. В основании пирамиды находились сельские советы и нарождающиеся культурные институты. Местных кадров было меньше в середине пирамиды, и еще меньше — в техническом секторе, где европейцы продолжали преобладать вплоть до брежневского периода. К административным работам были

²⁷ Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар): в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Р. Абдуллаев, М. Рахимов, К. Ражабов. Ташкент, 2019. С. 177.

²⁸ Стариков И. В. Государственный строй Хорезмской и Бухарской Народных Республик (1920–1924) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 1. Вып. 4. С. 15.

²⁹ Там же. С. 17.

привлечены местная интеллигенция, обучавшаяся в русско-туземных школах, или специалисты, обучавшиеся за границей (в Турции, Германии). В основном все руководящие посты заняли русскоговорящие и симпатизирующие советской власти молодые революционеры от 20 до 30 лет. Например, Ф. Ходжаеву к 1917 г. было всего 21, А. Икрамову — 19. У многих из них отсутствовало высшее и среднее образование, нередко они выдвигались благодаря способностям. Таким образом, молодая советская власть опиралась на революционную молодежь, которую она частично наделила властью. В противовес национальным кадрам в молодой советской республике вели свою деятельность и европейские местные пролетарские кадры, которые во многих случаях противостояли национальным кадрам. Таким образом, в правительстве оказались две силы: национальные и европейские кадры, которые по-разному понимали революционные задачи советской власти в регионе.

С 1920-х гг. начинается клановая борьба внутри узбекской элиты. Если рассмотреть происхождение узбекских политиков, то Ф. Ходжаев был из Бухары, А. Икрамов из Ташкента, председатель Верховного Совета Узбекской ССР Ю. Ахунбабаев из Ферганы. Клановая региональная борьба развивалась по сценарию большевиков и выступала для них инструментом, благодаря которому они управляли местной элитой и в нужный момент вносили коррективы. В определенной степени борьба региональных элит повышала эффективность власти в регионе, то есть большевики создали конкуренцию внутри местной элиты, что давало свои результаты.

Республиканские идеи у местных новоиспеченных коммунистов формировались в дискуссиях³⁰. Известно, что в 1920-х гг. представители ташкентской интеллигенции начали борьбу за влияние в политической жизни, вытесняя таким образом «бухарцев»³¹. В 1926 г. Файзулла Ходжаев написал брошюру под названием «К истории революции в Бухаре»³², где он попытался дать объективную оценку джадидскому движению и своей роли в революции. Ф. Ходжаев в своей публикации постоянно подчеркивал, что бухарская интеллигенция (джадиды) действовала в более сложных ситуациях, нежели туркестанские джадиды: бухарские джадиды боролись и против эмирского правительства, и против российского империализма, и против засилья духовенства в Бухаре. Таким образом, бухарцы были более «революционны», чем остальные представители Центральной Азии (ферганцы, ташкентцы), поскольку прошли настоящую школу революции. Также нужно отметить, что Ф. Ходжаев отмежевывается от других бухарских джадидов (С. Айни³³, Пулатходжаева и др.), намекая, что именно он является настоящим большевиком и революционером, а не джадидом или просто прогрессивным демократом. Ф. Ходжаев не отказывается от своего джадидского (младобухарского) прошлого, он ут-

³⁰ Алимджанов Б.А. История и идеология бухарского джадидизма в контексте взглядов и личности Файзуллы Ходжаева // Новое Прошлое = The New Past. 2019. № 1. С. 148–158.

³¹ Арапов А.В. «Мы не войдем в историю...?!» К политической биографии Файзуллы Ходжаева (1896–1938) // Общественное мнение. Права человека (Узбекистанский гуманитарный журнал). 2006. № 1. С. 107–122.

³² Ходжаев Ф. Джадиды // Очерки революционного движения в Средней Азии. М., 1926.

³³ «В отличие от Айни, полагающего, что все началось внезапно, как по мановению волшебной палочки, оттого, что идея джадидизма взбрела в голову Ахмада-Калла, мы считаем необходимым начать именно с той обстановки, с тех экономических, культурных и политических предпосылок, на фоне которых и благодаря которым развился джадидизм» (Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии // Ходжаев Ф. Избранные труды. Ташкент, 1970. Т. 1. С. 179).

верждает, что постоянно менялся и вместе с другими бухарскими революционерами постепенно осознавал необходимость союза с русской революцией и русскими революционерами.

После репрессий 1937–1938 гг. в советском Узбекистане к власти пришли сталинисты. Ферганец У. Юсупов возглавил Коммунистическую партию Узбекистана вместо А. Икрамова. Ферганец А. Абдурахманов возглавил правительство вместо Ф. Ходжаева. Оба были в возрасте от 30 до 40 и имели среднее образование. До 1943 г. Верховный Совет (Парламент) Узбекистана возглавлял ферганец Ю. Ахунбабаев. Этот триумвират был ярким примером диктатуры пролетариата над старой и новой интеллигенцией, он творил историю советского Узбекистана. По социальному происхождению члены триумвирата были из бедных слоев общества, исключение составлял Ю. Ахунбабаев. Таким образом, в политической жизни советского Узбекистана преобладали представители Ферганской долины. В политической системе к власти пришли «неизвестные» люди. Как отмечает современный исследователь А. Халид, «после 1938 г. посты во власти заняли бывшие сироты — мужчины и женщины, лишившиеся родителей, воспитывавшиеся в приютах и детских домах и находившиеся на обочине традиционного социума. Режим ввел их во власть, а взамен получил преданность»³⁴. Нужно отметить, что, хотя все ключевые посты в правительстве заняли представители местных слоев населения, но первыми их заместителями всегда назначались русские, которые контролировали деятельность «национальных» лидеров, чье влияние на местную политику не нужно преувеличивать, как это делают многие исследователи³⁵.

Особенностью политической системы советского строя было то, что решающую роль в политической жизни республики играла коммунистическая партия, и глава партии являлся главой политической системы. Верховный Совет Узбекистана (парламент) считался самой пассивной частью политической системы, он только подтверждал решения коммунистической партии и правительства. Ферганский триумвират сохранил свои позиции в правительстве до середины 1950-х гг. Его заслуга заключалась в том, что в республике увеличились посевы хлопка и укрепилось влияние советской власти в Ферганской долине — самой густонаселенной в Узбекистане.

В 1950–1960-х гг. началось освоение пустынь западной части республики — Голодной степи. Этот процесс повлиял на политическое лицо советского Узбекистана. Политика Н. С. Хрущева по десталинизации страны послужила хорошим поводом сменить узбекских сталинистов на сторонников хрущевских реформ. Исходя из экономической политики и интересов Москвы, к власти пришли представители западных областей — Самарканда и Джизака, которые и осваивали эти пустующие земли. Новая политическая элита также начала активную индустриализацию советского Узбекистана — строительство грандиозных промышленных предприятий в западных областях — Навоийской и Бухарской.

Естественно, что Ферганская долина отошла на второй план. Как видно, советские лидеры при назначении первых лиц исходили из экономических, а не только

³⁴ Khalid A. Making Uzbekistan. Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca; London, 2015. P. 119.

³⁵ Carlisle D. S. The Uzbek power elite: Politburo and secretariat (1938–83) // Central Asian Survey. 1986. Vol. 5, issue 3–4. P. 91–132.

политических соображений. Москве всегда был нужен энергичный политик, который мобилизовал бы все ресурсы для достижения поставленных ею целей. Лидером западных областей Узбекистана стал Ш. Р. Рашидов (1917–1983) — выходец из Джизака, из бедной семьи. Шараф Рашидов правил советским Узбекистаном почти 24 года (1959–1983 гг.). Этот период ознаменовался индустриализацией, максимальным увеличением посевов хлопка, экологической катастрофой на Арале, дальнейшей регионализацией политической жизни — усилением кланов, ростом коррупции и подспудным усилением национализма. Ш. Рашидов старался лавировать между восточными (ферганским и ташкентским) и западными (самаркандским и хорезмским) кланами, что ему не всегда удавалось. Также нужно отметить, что именно Ш. Рашидов старался преодолеть клановость усилением собственного культа личности и культурно-экономической политикой. К примеру, в 1960-х гг. были реабилитированы репрессированные узбекские политики А. Икрамов и Ф. Ходжаев. Этим шагом Рашидов хотел примирить все кланы Узбекистана, выступив в качестве великодушного правителя, миротворца и покровителя.

Резюмируя, можно разделить историю Узбекской ССР на три разных периода, исходя из того факта, как местная элита понимала идею республиканизма: 1) 1924–1938 гг. — республиканизм как борьба с империализмом, монархией и деспотией; 2) 1938–1959 гг. — республиканизм как верность И. Сталину и интересам народа; 3) 1959–1989 гг. — республиканизм как верность идеям коммунизма и национального возрождения.

Постсоветский Узбекистан: демократическая республика?

После коллапса СССР появились независимые центральноазиатские республики, которые начали изобретать свои версии республиканизма³⁶. Республика стала пониматься как проявление национализма и исключительности. В отличие от советского времени в республиках Центральной Азии понятие «республика» утратило всякий смысл, превратившись в свою противоположность. Постсоветский Узбекистан формально считается демократической республикой. К сожалению, до сих пор в гуманитарной науке нет внятного ответа на вопрос, каким образом Узбекистан перешел от социалистической республики к демократической. На практике Узбекистан сохранил советские институты, переименовав их на современный лад. Например, Верховный Совет стал Парламентом. В отличие от Узбекской ССР постсоветский Узбекистан не имеет практической основы, чтобы называться демократической республикой. Республиканизм постсоветского Узбекистана покоится на концепте свободы, которая понимается очень широко. Узбекстанские историки трактуют местную историю как перманентную борьбу узбекского народа с захватчиками (начиная с Ахеменидов, заканчивая Российской империей)³⁷. Такая трактовка истории приводит к тому, что Узбекистан с 1991 г. обрел настоящую свободу, реализация которой заняла почти 3 тыс. лет. Мифологизация концепта свободы приводит к выдвиганию героев нации на первый план, поэтому, скорее всего, уз-

³⁶ Вишневецкий А. Средняя Азия: незавершенная модернизация // Вестник Евразии. 1996. № 2. С. 131–153.

³⁷ Очерки по истории государственности Узбекистана / отв. ред. Д. А. Алимова, Э. В. Ртвеладзе. Ташкент, 2001.

бекский республиканизм обрел себя в лице Президента. Президент стал гарантом существующей политической системы, а республиканизм в Узбекистане обрел персоналистский характер.

8 декабря 1992 г. была принята Конституция Республики Узбекистан, где Президент наделялся огромными полномочиями. В соответствии с демократическими принципами правления, власть в стране разделена между независимыми друг от друга власти: исполнительной, законодательной и судебной. Над всеми тремя ветвями власти стоит фигура Президента, который является символом демократии, мира и согласия в стране. Президент в независимом Узбекистане не связан ни с какой партией, а является надпартийной персоной и избирается народом на референдуме³⁸. Также Президент является главным военкомандующим. Узбекский Парламент, созданный в 1995 г., разрабатывает законы, но в силу законы вступают только после подписи Президента. Глава исполнительной власти — Премьер-министр — назначается Президентом и формально одобряется Парламентом страны. Интересно отметить, что, несмотря на такие широкие полномочия, срок президентства ограничен пятью годами и один человек может избираться не более двух раз³⁹. Конституция Республики Узбекистан — яркий пример того, что на Президента возложено много полномочий и он является «надклановой, надпартийной и наднациональной» политической категорией, а абсолютизация этого понятия приводит к абсолютизму и авторитаризму. Демократическая Конституция Узбекистана юридически закрепляет статус Президента в ущерб другим властным структурам. Формально власть в Узбекистане имеет демократический характер, так как в нем есть все признаки политической системы развитых западных стран: разделение властей, многопартийность, органы самоуправления граждан — *махалля*, которая провозглашена основой «восточной демократии». Эту стройную «демократическую» систему нарушает неограниченная власть Президента, то есть отсутствует реальный баланс, который сдерживал бы исполнительную власть в лице Президента от тотального вмешательства во все сферы жизни населения страны.

Нужно отметить еще одну особенность локального республиканизма: концепт свободы в Узбекистане отождествляется с концептом государственности, являющимся некой неизменной во времени сущностью и причиной всех политических, экономических и социальных процессов в Центральной (Средней) Азии⁴⁰. Таким образом, свобода в Узбекистане перестала трактоваться как конкретное политическое действие. Республиканизм потерял свою идеологическую основу и из образа жизни превратился в форму государственности.

References

- Abdullaev R. A. Turkestanskije progressisty i natsional'noe dvizhenie. *Zvezda Vostoka*, 1991, no. 1, pp. 106–113. (In Russian)
- Agzamkhodzhaev S. S. *Istoriia Turkestanskoi Avtonomii (Turkiston Mukhtoriyati)*. Tashkent, Toshkent Islom Universiteti Press, 2006. 263 p. (In Russian)
- Alekseenkov P. *Kokandskaia avtonomiia*. Tashkent, Uzgiz Publ., 1931, 72 p. (In Russian)

³⁸ Конституция Республики Узбекистан. Ташкент, 2012.

³⁹ Там же.

⁴⁰ История государственности Узбекистана: в 3 т. Т. 1 / отв. ред. Э. В. Ртвеладзе, Д. А. Алимова. Ташкент, 2009. С. 17.

- Alimdzhanov B. A. Istorii i ideologiya bukharskogo dzhadidizma v kontekste vzgliadov i lichnosti Faizully Khodzhaeva. *Novoe Proshloe*, 2019, no. 1, pp. 148–158. (In Russian)
- Alimdzhanov B. A. Orientalizm orientalizmu rozn. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, issue 4, pp. 1488–1497. (In Russian)
- Alimova D. A., Rtveldadze E. V. *Ocherki po istorii gosudarstvennosti Uzbekistana*. Tashkent, Shark Publ., 2001, 209 p. (In Russian)
- Amanzholova D. A. *Kazakhskii avtonomizm i Rossiia. Istorii dvizheniia Alash*. Moscow, Rossiia Molodaia Publ., 1994, 213 p. (In Russian)
- Arapov A. V. “My ne voidem v istoriiu...?!” K politicheskoi biografii Faizully Khodzhaeva (1896–1938). *Obshchestvennoe mnenie. Prava cheloveka (Uzbekistanskii gumanitarnyi zhurnal)*, 2006, no. 1, pp. 107–122. (In Russian)
- Bartol'd V. V. Narodnoe dvizhenie v Samarkande v 1365 g. *Bartol'd V. V. Sobr. soch.*, vol. II, part 2. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 362–380. (In Russian)
- Boimatov L. *Sarbadary Samarkanda*. Saarbrücken, Lambert Publ., 2015, 105 p. (In Russian)
- Carlisle D. S. The Uzbek power elite: Politburo and secretariat (1938–83). *Central Asian Survey*, 1986, no. 5, issue 3–4, pp. 91–122.
- Chekhovich O. D. Gorodskoe samoupravlenie v Tashkente XVIII v. *Istorii i kul'tura narodov Srednei Azii: Drevnost' i srednie veka*. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 149–160. (In Russian)
- Gafurov B. G. *Istorii tadzhikskogo Naroda*, vol. 2. Dushanbe, Irfon Publ., 1989, 480 p. (In Russian)
- Gurevich A. M. O klassovoi bor'be v Samarkande v 1365–1366 gg. *Trudy Gosudarstvennoi Publichnoi biblioteki Uzbekskoi SSR*, vol. 1. Tashkent, Uzgiz Publ., 1935, pp. 25–32. (In Russian)
- Khairullaev M. M. *Abu Nasr al-Farabi*. Moscow, Nauka Publ., 1982, 303 p. (In Russian)
- Khalid A. *Making Uzbekistan. Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. Ithaca, London, Cornell University Press, 2015. 415 p.
- Kharkhordin O. V. *Respublika, ili Delo publiki*. St Petersburg, EUPRESS, 2020, 162 p. (In Russian)
- Khasanov M. Kokandskaia avtonomiia i nekotorye ee uroki. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, 1990, no. 2, 33–42. (In Russian)
- Khodzhaev F. Dzhadidy. *Ocherki revoliutsionnogo dvizheniia v Srednei Azii*. Moscow, Nauch. assotsiatsiia vostokovedeniia pri TsIK SSSR Publ., 1926, 152 p. (In Russian)
- Khodzhaev F. K istorii revoliutsii v Bukhare i national'nogo razmezhevaniia Srednei Azii. *Izbrannye Trudy*, vol. 1. Tashkent, Fan Publ., 1970, 498 p. (In Russian)
- Khodzhiyev E. Vazhnyi istochnik po istorii Tashkenta. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, 1961, no. 5, pp. 63–65. (In Russian)
- Rosenthal E. J. *Political thought in Medieval Islam*. Cambridge, Cambridge University Press, 1958, 324 p.
- Safarov G. *Kolonial'naia revoliutsiia (Opyt Turkestana)*. Moscow, Gosizdat Publ., 1921, 148 p. (In Russian)
- Saliev P. Ob oshibkakh, dopushchennykh A. M. Gurevichem v ego sta'e “O klassovoi bor'be v Samarkande v 1365–1366 gg.”. *Literaturnyi Uzbekistan*, 1936, no. 4, pp. 124–133. (In Russian)
- Sokolov Iu. A. Pervoe russkoe posol'stvo v Tashkente. *Voprosy istorii*, 1959, no. 3, pp. 166–177. (In Russian)
- Starikov I. V. Gosudarstvennyi stroi Khorezmskoi i Bukharskoi Narodnykh Respublik (1920–1924). *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Pravo*, 2016, vol. 1, issue 4, pp. 14–19. (In Russian)
- Vishnevskii A. Sredniaia Aziia: nezavershennaia modernizatsiia. *Vestnik Evrazii*, 1996, no. 2, pp. 131–153. (In Russian)
- Zhakparov Zh. I. Turkestanskaia (Kokandskaia) avtonomiia — pervoe demokraticeskoe gosudarstvo na territorii Uzbekistana? *Molodoi uchenyi*, 2017, no. 46, pp. 265–267. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 18 августа 2021 г.

Рекомендована к печати 17 декабря 2021 г.

Received: August 18, 2021

Accepted: December 17, 2021